

Мне не надо креста и скалы со звездой.
И когда меня примет земля на постой,
Напишите на камне вопрос и ответ —
Лишь три слова:
«Сергей Денисенко. Поэт».

Старый романтик

В конце и в начале слова не нужны,
Где каждая встреча — как встреча весны,
Где старый роман, словно новый рассказ,
А старый романтик живёт среди нас.
Где будет любовь и измена
Среди выходящих на сцену.

Все будет, как было, хотя и не так,
Пока еще правит вселенной чудак.
И, может быть, где-то в созвездии слов
Романтика-звездочка слышит наш зов.
И, новую песню встречая,
Струна оборвется случайно.

Наш век заплутал и пошел не туда,
Ведь в сумраке жизни не видно следа.
Но хочется верить, что есть до сих пор
Кто сможет поленьев подбросить в костер,
Чтоб тайное стало красивым,
Чтоб видеть — а все ли мы живы.

Ты скажешь под утро: «Гляди веселей!
Быть первым нетрудно, — последним трудней».
И старый романтик покинет причал,
Поправив гитару движеньем плеча,
Простив и любовь, и измену
Другим, выходящим на сцену.

В темном небе аншлаг. Открываются двери театра.
Мы выходим гурьбой и бездумно роняем слова:
«Доброй ночи. До скорого. На репетицию завтра».
Начинается дождь, и природа совсем неправа.
Неумная морось, звезда бесконечного ритма,
А по коже мороз — этот рэпер нашёл свою нить.
Отчего-то легко. И душа, словно зонтик, раскрыта.
Как поломанный зонтик, который уже не закрыть.

Горы

В горах то ли тишь, то ли блажь, —
Не падают камни с короны.
Какой там, у неба этаж?
Кто ждет нас за скальным балконом?

Обломаны неба края,
Связать их — такая задача.
Как ножницы, горы кроят
Везенье твое и удачу.

Ты скажешь: «Привет!» и плеснешь
Сто граммов на камешек шаткий.
И горы ответят: «Ну что ж...»,
Слегка приподняв свои шапки.

Чтоб чувствовать все наперед,
Послушай, чем трещины дышат.
Ведь кто-то к вершине придет,
А кто-то поднимется выше.

Но, если нет хода в пути,
В рюкзак огорчения не спрячешь.
Ведь лучше чуть-чуть не дойти,
А завтра вернуться с удачей.

Сложив путеводную нить,
Мы можем часами прощаться.
Ведь в горы легко уходить,
Гораздо трудней возвращаться.

Города

Мне больше нравятся такие города,
Где много пропито несбыточных надежд,
Где обрываются дороги в никуда
И где душа не раз выходит из одежд.

Люблю места, где осень без плаща
Со мною под руку в аллеях ворожит.
Люблю из поезда рукой махать: «Прощай»,
И знать, что ночь мою бессонницу простит.

Лежат в чужих углах мои веселые года,
И в ком-то плещет мое звонкое вино.
Мне больше нравятся такие города,
Где с ходу бой, проигранный давно.

Люблю Христа, что на гитаре мной распят:
Не стань Пилатом, я не верил бы в Христа.
Я знаю, после смерти зазвонят
Кривые церкви на моих костях.

Не может быть, я вновь не при деньгах:
Я их люблю — они меня никак.
И я опять хочу на три денька
Домой попасть и сбросить тесный фрак.

Но где мой дом без скошенных зеркал,
Срисованный со Спаса на Крови?..
А годы мчат, — и мой пустой вокзал
Не принимает старенькой любви.

Суд Камней

Я-то помню всерьез, кем я был этой ночью.
Помню, брел, словно полз, спотыкаясь на кочках.
Помню боль от огня головой и руками.
И летели в меня освященные камни.

Первый камень — за то, что лелеял гордыню,
А второй — оттого, что лелею поныне.
Третий камень убил и заставил проснуться.
Он — за то, что от первых не смог увернуться.

Я-то помню престол, словно символ измены,
Где убийцей-крестом открываются вены,
Где под крики «Спаси», что рождались веками,
Зачерненная синь превращается в камни.

Первый камень — за то, что прощал, но прощался,
А второй — за попытку сломаться от счастья.
Третий камень вошел, да не вышел наружу, —
Где-то в сердце безудержным спутником кружит.

В первом камне — забытое прошлое будней,
Во втором — настоящее, в третьем — что будет.
Все три камня во мне, — и пока не вернуться,
Может, кто-то сумеет хотя бы проснуться.

Гончие

У прочих пути короче,
У прочих иной фасон.
А мы из породы гончих —
Созвездие Гончих Псов.

Охота — уже награда.
Но как, выходя на круг,
Добиться хотя бы взгляда
Одной из своих подруг?

Рожок зазвучал, — и надо
Принять на себя рассвет.
Но главное — та, что рядом,
Разделит со мною след.

Она, словно солнца лучик,
Цвет ветра среди огня, —
Быть может, слабее лучших,
Но лучшая для меня.

И ширится черный список
За каждым моим рывком.
Но все это зайцы, лисы,
А мне б повстречать волков.

Молчите, рычать не надо!
Пусть будет их больше ста.
И, может быть, та, что рядом,
Махнет мне платком хвоста,

Ведь жизнь без любви бездарна.
Но, мысли прервав полет,
Любимица нашей псарни
На корпус ушла вперед.

Желанья горят под кожей.
Одни — никого вокруг!
Но та, что всего дороже,
Вдруг встала, поймав испуг.

Что, волки, концерт окончен!
Повойте кому-нибудь.
Ведь я — из породы гончих,
Хоть это уже не суть.

Посмотрим, на что я годный,
Попав в неурочный час
В прицелы десятка злобных,
Безумно голодных глаз.

Вот первый, рискнувший шубой,
Ушел в небеса смотреть.
А этот, оскалив зубы,
Рывками вдыхает смерть.

Вот так им, чванливо-гордым,
Рожденным среди красот!
Вот так. И в крови по горло
Я рухнул, поймав бросок.

Эй, волки, рычите громче!
Дай Бог вам с ума сойти,
Как я — от красивой гончей,
Звезды на моем пути.

Мой разум сошел с дороги,
Но вот он, последний штрих,
Где та, что слабее многих,
Дерется за нас двоих.

Ладом по душе

Ладом по душе, солнце до ушей,
Чтоб не позабыть быть.
Быть среди гостей сроком на хвосте
Да тянуть свою нить.

Счастье — третий сорт — вымету, как сор,
И пойду искать суть.
Станет горячо. Марья за плечом
Скажет мне вослед: «Будь!»

Нам бы не пропасть — узкая тропа,
Камень на тропе крут.
И «забавы для» вертится земля,
А часы стоят — ждут.

Наломавши дров, поджигай свой кров
Да не стой столбом — пой.
Время не жалея, — к голове твоей
Скоро приплывет Ной.

Понесет наш дом лодкой за водой,
Нас еще не ждут здесь.
Выходи в эфир, если гибнет мир.
За разлуку ночь — месть.

В небо не войдешь, если не поймешь,
Что там, за стеклом луж.
Новое кольцо, новое лицо —
Новоселье двух душ.

Обернусь на шаг — там моя душа
Вяжет ли платком грудь.
Выдержу недуг, а потом пойду
Провожать звезду в путь.

Ладом по душе, солнце до ушей,
Чтоб не позабыть быть.
Быть среди гостей, сроком на хвосте
Дотянуть свою нить.

Как иначе?
Заржавевшие нервы уже не из стали...
Неужели мы раньше друзей не теряли?
Что ж мы плачем?
Но, впрочем, не в этом вопрос:
Может, кто-нибудь просто до слез не дорос.

Как иначе?
У судьбы есть одно направленье
За рекой, только вниз по теченью.
Что ж мы плачем,
Если выбран небесный маршрут?
Просто нас не простят, если нас не спасут.
Что ж мы плачем,
Если завтра уходим в заплыв,
Оглянувшись назад, никого не забыв.

Как иначе,
Как поверить в банальность — что было, то сплыло?
Только ива уже над водою застыла.
Что ж мы плачем?
Ведь, чтобы себя переплыть,
Надо пыльные чувства слезою отмыть.
Что ж мы плачем,
Если снова уходим в забег?
Где твой ангел, ушедший вперед человек?

Как иначе,
Если сердце забыло слова своих песен?
Но мы верим — наш мир удивительно тесен.
Что ж мы плачем?
Мы же встретимся там, где простор!
Вы поставьте палатки для нас и зажгите костер.

А как иначе?

Сергею Булгакову

1

Опустела внезапно ниша, —
Сколько их опустевших тут...
Так, как он, уже не напишут.
Так, как он, уже не споют.

И не встретить на тропке узкой:
Вечно в поиске и в пути.
А теперь вот на остров Русский
Перебрался, — легко найти.

Запечатали свет в ограде, —
Все, что было уже дано.
Но по-прежнему в Китеж-граде
Ярко светит его окно.

2

Еще и мысли не было о тризне,
Когда ты от безумия вдали
Перебирал картофелины жизни,
Что проросли и буйно зацвели,
И словно чудом доросли до Бога,
Где только море неба за бортом.
Ну что, по коньячку, как встарь, Серега?
Не пьешь?
Я тоже.
Так вот и живем.

Догорает свеча
На запавшей груди.
Слишком короток час,
Что у нас впереди.
Завитушка-дымок —
Вездесущий фантом —
Переходит порог
Между «здесь» и «потом».

